

новом романе Николая Иванова «Реки помнят свои берега» уже немало было написано в прессе. Свои мнения о нем высказали Ольга Горелая, Алексей Колобродов, Мария Бушуева, Эдуард Анашкин, Иван Родионов и целый ряд других писателей. Лаконичное, но очень емкое предисловие к книге написал искренне любимый народом поэт и актер Михаил Ножкин. Творчество Николая Федоровича всегда вызывает отклики как рядовых читателей, так и профессиональных критиков. Его книги «Черные береты», «Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре», «Афганский шторм», «Спецназ, который не вернется», «Наружка», «Зачистка», «Контрольный выстрел» и целый ряд других захватывающих воображение книг давно воспринимаются читателями как одни из лучших в ряду бестселлеров. У одних (их большинство) эти книги вызывают стопроцентное признание, у других же (а есть немного и таких) они вызывают только раздражение и резкую критику (скорее всего, это происходит из-за нахождения Иванова на должности Председателя правления Союза писателей России, что вызывает кое у кого откровенно острую зависть), но равнодушными его повести и романы не оставляют. И здесь надо сразу сказать доброе слово о московском издательстве «Вече» (главный редактор

Сергей Дмитриев), которое выпустило в свет необыкновенно жесткий и предельно справедливый роман, открыто говорящий перед лицом нашей власти и всего мира о тех, кто разрушал и в конце концов разрушил нашу великую державу.

Вот, в частности, Николай Иванов пишет в романе «Реки помнят свои берега» о знаменитом в свое время Президенте России Борисе Ельцине: «еще вчера ломавший хребты тем, кто не желал вступать в партию, сегодня водит толпы демонстрантов по Москве, страстно обличая то, к чему сам еще вчера всех призывал».

А вот он пишет о тех, кто «пониже и пожиже»: «Егор Гайдар, внук яростного борца за советскую власть Аркадия Гайдара и сын бессменного руководителя военного отдела газеты «Правда» Тимура Гайдара, сам долгое время проработавший в журнале «Коммунист», назвал советские годы химерой и возглавил реформы против того, за что боролись его предки и он сам».

Писатель искренне говорит и о других реформаторах СССР, которые стали откровенными «перевертышами», отрекшимися от того социального строя, который еще вчера пропагандировали: «Генерал Дмитрий Волкогонов, отвечавший в Вооруженных Силах за идеологию, написавший пафосные книги «Советский солдат» и «Доблесть», которые по его же указаниям заставляли всех солдат поголовно конспектировать, лично же и возглавил комиссию по... ликвидации этих самых политорганов в армии и на флоте.

Под Геннадия Бурбулиса, заставлявшего еще вчера учить студентов в свердловском институте марксистско-ленинскую философию и научный коммунизм, на американский манер создали должность госсекретаря — с нее он и клеймил советский строй.

«Отец» перестройки Александр Яковлев — вчерашний член Политбюро ЦК КПСС...

История России, вне сомнения, не знала примера, когда одновременно стали перевертышами десятки людей, оказавшихся в высших эшелонах власти. Океан способен абсорбировать грязь и самоочищаться, а тут в руководстве страны оказались предатели, страну не знавшие и не любившие. Порядочные люди вообще-то стреляются, когда к ним приходит прозрение, и они вдруг убеждаются, что вели народ не в ту сторону. В крайнем случае, затихают и уединенно отмаливают грехи, совестливо отказываясь от ученых званий и генеральских погон, заработанных на «ложных» основах и учениях. Здесь же в церковь шли лишь под телекамерами, а право стреляться оставляли тем, кто не изменил своим убеждениям...»

Отдельные главы романа Николая Иванова читаются откровенно тяжело, но это не потому, что у автора тяжелый слог или неуклюжий стиль, с этим у него все в порядке, а потому, что в них обнаруживается много правды и созвучной боли. Столько, что после прочтения нескольких страниц романа приходится делать перерыв, чтобы отдышаться. Да и как не сжиматься сердцу, когда опять погружаешься в события, рассказывающие о разрушении нашего родного Отечества. Свидетелем этого разрушения и был главный герой нового романа Иванова Егор Буерашин:

«Ни речей, ни гимнов, ни благодарности, ни сожаления. Шесть размашистых подписей в гробовой тишине — и все! Оказалось, чтобы прекратить существование империи, не нужны ни войны, ни миллиарды — надо просто вырастить амбициозных политиков, столкнуть их лбами, заставить их грызть друг друга. Старшее Политбюро не захотело делиться властью с выросшим подлеском, и молодая поросль сама рванула вверх так, что затрещали суставы-сучья у вековых дубов. Хотя какая молодая! И Ельцин, и Кравчук, и Шушкевич десятилетиями подвизались на ниве политпросвещения и пропаганды КПСС. Амбиции, все же неумные амбиции и месть двигали ими в этот день...»

Заместитель главного редактора белорусской «Народной газеты» Валерий Дроздов по журналистской привычке зафиксировал время подписания документов, а по сути, распада СССР — 14 часов 17 минут. По иронии судьбы на циферблате его часов были прорисованы контуры Советского Союза...»

Страницы, касающиеся дней развала Советского Союза, воспринимаются словно горький реквием писателя по ушедшему в прошлое государству, но на фоне этих событий еще ярче проступают эпизоды, рисующие жизнь нашего народа, брошенного страной на растерзание тем, кто дорвался до политической и экономической власти. Но как бы ни было тяжело народу преодолевать все выпавшие на его долю трудности, большинство людей остаются нормальными честными людьми, пытающимися создавать свое так тяжело достающееся им счастье...

...Что же касается литературного стиля Николая Иванова, то посмотрите, как, к примеру, он умело использует описание природы в контексте своего романа:

«Ручей то подныривал под поваленные деревья, то протискивался меж скал и волочил себя по камням, чтобы через несколько метров увязнуть в топи, дав отдохнуть своему побитому, изломанному телу. Наглотавшись болотной тухлятины, сам же и вытаскивал себя из вязкой тины, чтобы вновь биться лбом о новые стволы и скалы. Ему бы угомониться, свернуться калачиком в каком-нибудь укромном местечке и стать озерцом на радость себе и природе...»

Но манила горный ручей неведомая даль, ждала его у подножия Анд почтенная дама сверхбальзаковского возраста — Магдалена, считающаяся самой большой рекой Колумбии. Ради встречи с ней ручей и готов был настырно выбираться из сельвы...»

Ручьям и рекам в сельве другая напасть: как ни прячься в заросли из бамбука, кокосовых и слоновых пальм, под коряги каучуконосов, как ни старайся идти гладью, без шума, но в любом случае к ним приползет, прискачет, прилетит великое множество всякой твари по паре. И за право припасть губами или клювом к влаге, а значит, за право выжить в сухой сезон на берегах идут жесточайшие схватки...»

И такие же, но даже еще более жестокие схватки непрерывно ведутся на всей земле и между людьми, постоянно воюющими за клочки чужой земли, за леса со строительными соснами, за реки с рыбами, за моря с кораблями и подлодками, за небеса, в которых гудят самолеты, за власть над народами.

А как вдохновенно описывается внезапно начинающийся в лесу ливень, застигший его героя с молоденькой учительницей Верой Сергеевной посреди пионерского лагеря! «Пионервожатая протянула для знакомства руку Егору, но тут громыхнуло так, что даже дым от костра пригнулся к пустым консервным банкам, защитным частоколом выложенным вокруг огня. Егора и Веру обдало водяной пылью, обычно клубящейся впереди ливня, и тут же наверху застучало, заскрипело, завозилось — дождь с ветром обрушились на деревья, выкручивая им ветви, выворачивая наизнанку листья, сгибая непокорные верхушки. В распатаные в небе щели обрушились потоки воды...»

Поистине, автор книги «Реки помнят свой берега» является в душе настоящим поэтом. На многих страницах что ни строчка — яркая метафора, красочное сравнение, запоминающийся образ:

«Возвращаться с девушками в дом солнце поостереглось — прищеляет скрипучей дверь, как хвост кошке! Заглянуло через ветки черемухи в окошко, пробежалось по столу с расставленными перед завтраком пока еще пустыми тарелками, обожглось на плите паром от кипящей картошки. Обогнуло липучку с пойманными мухами — скорее всего, висевшую со времен Советского Союза. Сколько еще гадости оно из последних сил поймает в новом времени? Дотянулось до телевизора и печатной машинки, стоявших рядом на столе с выдернутыми из розеток шнурами. Телевизором командовали все кому не лень, «Оптиму» облюбовала Аня, которая живет с царем в голове. Последний раз сочиняла что-то про крылатых ангелов, из которых Бог выбрал самых смелых и отправил охранять Землю, превратив им крылья в погоны...»

Будучи остросоциальным писателем, Николай Федорович не низводит свою прозу до голой публицистики, в которой у многих авторов часто присутствуют только одни сугубо политические факты. Его книга откровенно дышит, живет как зеленый лес, и даже образы сегодняшних городов предстают перед читателем какими-то необыкновенно сказочными, точно кадры разноцветных мультфильмов. Увидишь однажды — и уже никогда не забудешь, даже если никогда не был в этом городе и не уезжал с этого вокзала:

«Питер выпустил «Красную стрелу», несмотря на ее боевое название, в сторону Москвы медленно, мягко. Тетица не зазеленела, лук-вокзал не спружинил, зато лобастый наконечник с красной звездой между двух глазастых, наполненных электрическим светом фар, легко прошел витиеватый рельсовый лабиринт. И только после этого начал набирать скорость и вытягиваться в струнку. Обман в названии экспресса скрывался именно в этом: не тратить силы на стрелках и переходах, беречь их для простора, когда ничто не помешает вонзиться в ночное пространство между двумя столицами...»

Книга Николая Иванова разворачивает перед нами непростые картины жизни рядовых людей, которые волей судьбы оказываются кто в больнице, кто в тюрьме, кто где-то на далеких просторах ельцинской России. И на фоне этих тяжелых эпизодов романного сюжета то в одном, а то в другом месте вдруг возникают радующие душу поэтические образы, такие, как, например, взлетающие на холмы джипы с дышащими, как у лошадей, боками:

«Машины промчались по селу безостановочно и вырвались с асфальта на две полевые песчаные полосы, еще не затянутые муравой. Остановились на пригорке, с которого одинаково открывались и лес, и село. Обленившаяся без ежедневных тренировок пыль только в этот момент догнала их, упала бездыханно на покатые бока машин. Брезгливо стряхивая ее с себя мелкой дрожью, внедорожники медленно проехали еще несколько метров.

Первым открыл боковое стекло Никита...

Борис тоже не пожелал ступить на землю, соседствующую с радиоактивным лесом. Показал поднятым вверх пальцем — согласен, но делать здесь особо нечего... Джипы синхронно развернулись и медленно, больше не тревожа упавшую в обморок после сумасшедшей гонки пыль, покатали под горку...»

Роман увлекает читателя и стилем, и динамичным сюжетом, и героями. Бывший разведчик Егор Буерашин, его отец Федор, племянники Анька и Васька, молодая учительница Вера со своими младшими братом и сестрой, ее наглые насильники, жители села Журиничи, сотрудники ГРУ и налоговой службы, Ельцин и его команда, циничный милиционер Околелов и местный магнат Борис — многоликая вереница положительных и отрицательных персонажей романа проходит

перед читателями, прорисовывая контурами своих собственных судеб характер тяжелых девяностых годов. Но как бы трудно ни было, как бы обстоятельства ни ломали страну и людей, а доброта, счастье и любовь все равно воцаряются над миром. И глядя на вернувшуюся после дождей в старое русло реку, отец Егора Буерашина говорит внучке Ане, словно открывает ей свое завещание:

«Реки помнят свои берега, Аннушка, — улыбка не сходила с губ Федора Максимова. — Увели мелиораторы ее течение ближе к полям, а вот пошел бурный поток после грозы, дал воде силы — и все стало на свои места.

— Хорошо, — повернулась к Женьке Аня.

— Вот и вы не меняйте своих берегов, — оглядел всех Федор Максимович. — Не предавайте свой род, страну, историю...»

И это простое, но жизненно важное наставление-завещание роду Буерашиных адресуется не только Аньке и Женьке, а гораздо более широкому кругу людей. Всему селу Журиничи.

Городу Брянску.

Москве и Санкт-Петербургу.

И каждому из нас с вами.

